Плодотворная работа М. Н. Сперанского над выявлением фактов перехода русских литературных памятников на славянский юг была продолжена в 1940—1950-х годах главным образом болгарскими исследователями. К списку произведений, изученных М. Н. Сперанским, добавилось некоторое количество оставшихся вне поля его зрения текстов. Возникает потребность в подведении итогов наблюдений, разбросанных по разным статьям, и прав Б. Ст. Ангелов (Из старата, стр. 195), когда он считает очередной важной задачей собирание и издание отдельной книгой тех произведений древнерусской литературы, которые проникли в Болгарию, мы бы добавили — вообще на славянский юг. Задача настоящей статьи скромнее: свести воедино факты, подтверждающие переход русских оригинальных и переводных памятников XI—XVII вв. на славянский юг, установленные М. Н. Сперанским и продолжившими его работу славистами. Не всегда, как увидим, исследователям удается более или менее точно определить время перехода данного памятника в югославянскую письменность, поэтому при обзоре придется в расположении материала учитывать два признака: время появления данного произведения в русской литературе и более или менее точную датировку переноса его на славянский юг.

2

В первой статье сборника — «К истории взаимоотношения русской и югославянских литератур» — М. Н. Сперанский доводит старший период общения русской и югославянских литератур до возникновения так называемого «второго южнославянского влияния», начиная обзор с русских литературных произведений XI в.

I. Служба Борису и Глебу, сложенная митрополитом Иоанном I не позднее 1039 г. (год смерти Иоанна), перешла на славянский юг в составе июльской служебной минеи, возможно уже в XII в., но сохранилась в сербской служебной минее XIII—XIV вв. собрания Хлудова, № 160, списанной с русского текста минеи (Сперанский, стр. 15—16). Опубликованные Б. Ст. Ангеловым (Из старата, стр. 190—200) в 1958 г. по рукописи XVI в. молдавского письма Библиотеки Румынской Академии наук, № 82, тропарь и кондак Борису и Глебу показывают, что на славянском юге были известны и другие редакции службы, сложенной в XI в. Тропарь воспроизводит текст службы, дополненной в XII в., а кондак взят из службы на перенесение мощей Бориса и Глеба, возникшей не позднее 1191 г.[3]

Популярность культа Бориса и Глеба на славянском юге подтверждается и ранним распространением проложного жития братьев, которое известно во многих списках.[4] Это житие признается исследователями югославянской редакцией, составленной на основании Сказания о Борисе и Глебе, приписывавшегося иногда мниху Иакову и датируемого или 1070—1071 гг., или первой половиной XII в. Таким образом, косвенно заключаем, что и Сказание уже до XIV в., к которому относятся старшие юго-

[3] Д. И. Абрамович. Жития св. муч. Бориса и Глеба и службы им. — Памятники древнерусской литературы, вып. 2. Пгр., 1916, стр. XXI, XXII, 162, 174.

[4] А. И. Яцимирский. Мелкие тексты и заметки по старинной южнославянской и русской литературам. LXXI. — ИОРЯС, т. XXI, кн. 1 Пгр., 1916, стр. 194—201. Здесь же издано житие Бориса и Глеба по Лесновскому Прологу 1330 г. (стр. 197—198). Сказание о перенесении их мощей по спискам XIV в. Берлинской королевской библиотеки, №№ 37 и 38 (стр. 198—199), Сказание о убиении Глеба по Прологу конца XVI в. церкви св. Николая в Брашове, № 314 (стр. 199—200). Лесновский текст переиздан в книге: Б. Ст. Ангелов. Из старата, стр. 200, прим. 1. По сообщению Д. С. Лихачева, в Тырнове сохранились изображения Бориса и Глеба.